

ческих понятий. Основой определения переходности-непереходности, по нашему мнению, является валентностный потенциал глагольной основы. О возможности, невольном и других значениях глаголов с суффиксом *-в-* сказано недостаточно. Не выделены внезалоговые конструкции речи.

Об образовании пунудительного залога, может быть, лучше было бы говорить в начале третьей главы, где сказано

<https://doi.org/10.3176/lu.1982.2.13>

1. В мордовском языкознании проблематика, связанная с залогами глагола главным образом, по утверждению И. М. Ведяшкина, затрагивалась в грамматиках и других публикациях, не посвященных специально систематическому исследованию залогов. В них «суффиксы залоговой направленности» обычно относятся к словообразованию, а не к формообразованию слова, т. е. не рассматриваются как залого глагола в собственном смысле слова «залог».
2. По И. М. Ведяшкину, среди мордовских грамматик указанного типа особое место принадлежит «Грамматике мордовских (мокшанского и эрзянского) языков I. Фонетика и морфология» (Саранск 1962), так как там формы залогового типа делятся на четыре группы: действительная, пунудительная, страдательная, возвратная (см. Ведяшкин, дисс., с. 18; Грамматика, с. 253—258). Те же четыре термина встречаются в рассматриваемой работе И. М. Ведяшкина, но уже определены в смысле залогов как формообразующих элементов (одного и того же) слова.
3. Кроме вышеуказанных публикаций «немонографического» типа до завершения исследования И. М. Ведяшкина тем не менее написаны две кандидатские диссертации по той же теме: М. И. Пигин, «Залогов в эрзя-мордовском языке» (1945); А. Е. Смиреникова, «Развитие залоговых противопоставлений в мордовских языках» (1972). Защищена (в 1956 г.) еще одна кандидатская диссертация, в известном смысле охватывающая рассматриваемую здесь проблематику: V. Hallap, «Verbaaltuletussufiksidi mordva keeltes (ühis-mordva keeles esinenud sufiksidi)».

о том, что такое пунудительный залог (по значению), с. 111. То же относится к возвратному и страдательному залогом, где сначала говорится о значении залога, а потом, через несколько страниц, о его форме.

Эти замечания ни в коей мере не умаляют достоинств работы, которая представляет собой ценный вклад в мордовское и финно-угорское языкознание.

Д. В. ЦЫГАНКИН (Саранск)

И. М. Ведяшкин анализирует исследование М. И. Пигина и А. Е. Смирениковой во введении (с. 4—5, 18—27), но в основных частях работы по конкретным вопросам больше не полемизирует с ними. Что же касается диссертации В. Халлапа, то автореферат ее «Суффиксы образования глаголов в мордовских языках (общемордовские суффиксы)» фигурирует только в списке литературы.

- У И. М. Пигина (пять залогов) и А. Е. Смирениковой (три залога) И. М. Ведяшкин находит много ценного. Однако с точки зрения современного состояния изучения мордовских языков и с учетом новых теоретических положений в области залогов новое обращение к заломам в мордовских языках (в эрзя-мордовском) он считает обоснованным.
4. Большая часть I главы (с. 38—77) посвящена анализу переходности-непереходности глаголов и глаголообразующих суффиксов. На основе формулировок § 1 (с. 38—40, автореф., с. 3—4) различаются следующие типы «первичных», производных глаголов: глаголы, являющиеся всегда переходными, напр. *пандомс* (долг) 'уплатить (долг)'; переходные глаголы, «допускающие употребление в непереходном значении», напр. *видьян* (*сюро*) 'сею (хлеб)' — *видьян* 'сею' (в значении *роботан* 'работаю'); «глаголы, употребляемые лишь в непереходном значении», напр. *озамс* 'есть'; непереходные глаголы, «допускающие употребление в переходном значении», напр. *удан* 'сплю' — *удьян* *поездэнтъ* 'я проспал поезд'. По-видимому, И. М. Ведяшкиным отдельно трактуется еще одна группа глаголов — транзитивно-интранзитивные, которые «в исходной форме вне контекста несут одновременно

значение переходных и непереходных: *оршамс* 'одеть, одеться', напр.: *монь шубань оршик* 'одень мою шубу', ср. *оршась* 'оделась' (с. 51).

Эта классификация интересна также исследователям других языков (любопытно, например, сравнить результаты И. М. Ведяшкина с положениями К. Конта (К. Kont, *Käändsõnaline objekt läänemesoomes keeles*, Tallinn 1963)).

По И. М. Ведяшкину, другим морфологическим средством (кроме объектного спряжения, см. с. 54) маркирования переходных и непереходных глаголов часто служат суффиксы (с. 58—83), хотя они, в действительности, во многих случаях являются полисемантическими. Отмечается, что как среди непроезводных (см. выше), так и среди производных глаголов многие (более 150) могут употребляться в переходном и непереходном значении, напр.: *анокстамс* 'приготовить, приготовиться', *тонавтнемс* (*мор*) 'выучить (стих)' — *тонавтнемс* (*шоферокс*) 'учиться (на шофера)' (с. 80—81). Последний пример тем самым показывает, что иногда многократные суффиксы, будучи присоединенными к переходным глаголам, «затушевывают значение переходности» (с. 63), ср. *тонавтомс* 'научить, обучить, приучить'. Встречаются и обратные случаи (с. 63), напр. *авардемс* 'плакать' — *аварькинемс* 'оплакивать'.

В работе есть неточности в ограничении словообразующего суффикса от корня или от производящей основы. Например, в глаголе *сэпшикадомс* 'чуть прогоркнуть' (ср. *сэпей* 'горький') мы имеем дело не с суффиксом «-кад-, -гад-» (с. 70), а с суффиксом *-шкад(о)*. Неверно, что глагол *чурокстомомс* 'поредеть' непосредственно образован от прилагательного *чуро* с помощью отыменного глаголообразующего суффикса *-м-* (с. 70). С помощью суффикса *-кад-/гад-* (т. е. *-кад(о), -гад(о)*) образуются не только отыменные глаголы (с. 70), но и отглагольные, напр.: *чаракадомс* 'закружиться' (ср. *чарамс* 'вертеться, кружиться').

Рецензенту представляется неуместным говорить просто о «г-/д-овых суффиксах» (с. 58, 67, 72—76). Фактически здесь мы имеем дело с несколькими самостоятельными суффиксами различного происхождения, различного современного облика и разной семантики, имеющими раз-

личные словообразовательные связи и, в принципе, требующими трактовки каждого в отдельности (ср. В. Халлап, дисс.; а также: Б. А. Серебрянников, Историческая морфология мордовских языков, Москва 1967, с. 217 и сл.). Намеки автора в этом направлении (с. 55—57) не достаточны.

В работе не совсем ясным остается отношение каузативности-некаузативности (с. 78—83) к переходности-непереходности. На с. 78: «Каузативные глаголы выражают, по существу, два действия в их взаимосвязи (двудействие): а) активное воздействие со стороны одного субъекта, б) действие другого субъекта, тем или иным способом обусловленное этим воздействием.» Примеры: *андомс* 'кормить' — 'делать так, чтобы ели'; *рамамс* 'купить', *сёрмадомс* 'писать, написать, вписать, записать' (значения глагола *сёрмадомс* рецензентом даны в соответствии с «Эрзянско-русским словарем» 1949 г.). Возникает вопрос: где, например, в последнем глаголе «действие другого субъекта»? И отличается ли вышеупомянутое определение каузативных глаголов по существу от характеристики переходных глаголов на с. 39: «Переходные глаголы при этом обозначают два действия в их взаимосвязи (двудействие) — воздействие со стороны субъекта и ответную реакцию объекта, например: *нолдыя* 'я отпустил его' — 'я сделал так, чтобы он удалился'; *панжинь кенки* 'я открыл дверь' — 'я сделал так, чтобы дверь открылась' и др.»? В критическом, интересующем нас § 14 на с. 78—83 не приводятся примеры некаузативных переходных глаголов; в качестве примеров некаузативных глаголов даны только непереходные.

5. В основных, II—V главах (с. 87—185) залогов эрзя-мордовского языка исследованы на основе «четырёхзалоговой» системы: действительный, понудительный, возвратный и страдательный.

Исходом анализа служит «ситуация (состояние)» (ср. с. 92), которая «детерминирует появление единиц семантического уровня. Сказуемое детерминирует появление единиц синтаксического уровня» (автореф., с. 14). «Единицами семантического уровня в залоге считаются субъект и объект, а единицами синтаксического уровня — подлежащее и (пря-

моё или косвенное) дополнение предложения» (дисс., с. 35). В другом месте глагольное сказуемое также прямо причисляется к единицам синтаксического уровня (с. 92).

Во всяком случае, на синтаксическом уровне функционируют члены предложения. Но «до этого» элементы семантического уровня как бы проходят через те или иные диатезы (с. 84—86), определяющие прямое соответствие или несоответствие полученных членов предложения «первоначальным» элементам семантического уровня.

Диатезы необязательно носят чисто залоговый характер. Ср., напр., следующие русские предложения: *Ты мне нужен и я нуждаюсь в тебе; Мне полезно принять подарок и Принятие подарка мне полезно.*

И. М. Ведяшкин специально интересуется диатезами чисто залогового характера. Может быть, легче всего проиллюстрировать его концепцию следующими примерами: *ёртыя кевенть* 'я кинул камень' (действительный залог; глагол *ёртомс* без специального «залогового» суффикса; глагол в форме объектного спряжения); *ёртовтыя кевенть* 'я велел кинуть камень' (понудительный залог; «залоговый» суффикс *-вт(о), -вт(е)*; глагол в форме объектного спряжения); *кевьсь ёртовсь монень* 'камень брошен мною' (страдательный залог; «залоговый» суффикс *-в(о), -в(е)*; глагол в форме безобъектного спряжения; *монень* — косвенное дополнение, т. е. «агенс» в форме датива); *ёртовинь таркастон* 'я вскочил со своего места' (возвратный залог; «залоговый» суффикс тот же *-в(о), -в(е)*; глагол в форме безобъектного спряжения; «агенс» отсутствует) (автореф., с. 16).

На вышеизложенной теоретической основе анализируются морфологические и синтаксические средства маркирования всех четырех залогов, семантические аспекты залогов и связанные с залогом диатезы. Например, с точки зрения морфологической науки интересно выделение элементов сопоставительного анализа т. н. страдательных и возвратных глаголов (отметим, что у А. Е. Смирниковой указаны две группы глаголов — «возвратному» залогом). Рассматриваются дополнительные возможности выражения возвратного (ке-

петемс, 3 л. прошедшего времени *кепететьс* 'подняться', ср. *кепетемс* 'поднять'; *максомс пря* 'сдаться', ср. *максомс* 'дать'), а также страдательного значения (причастие прошедшего времени на *-зь*, напр. *оршазь* 'одетый' от глагола *оршамс* 'одеть; одеться'); вопрос о причастиях с суффиксами *-н'* и *-вт/-вт'*, а также об *м*-овых образованиях причастного типа остается открытым.

6. Опишем подробнее некоторые диатезы, приведенные в работе (с. 85—86).

1) На синтаксическом уровне выражены как семантический субъект, так и семантический объект. В таком случае на этом уровне возникают две возможности: 1а) «Прямая» диатеза: субъект → подлежащее; объект → (прямое) дополнение, напр. *Атысь + мандясь + чирьке* 'Старик согнул дугу'. Действительный залог. 1б) «Обратная» диатеза: объект → подлежащее; субъект → (косвенное) дополнение, т. е. «агенс» в форме датива; напр. *Чиркесь мандявьсь атянтень* 'Дуга согнута стариком'. Страдательный залог. 2) На синтаксическом уровне выражены два семантических субъекта (субъект-понудитель и субъект-исполнитель), а также семантический объект; здесь возникают, например, следующие возможности: 2а) «Прямая» диатеза: субъект¹ → подлежащее; субъект² → (косвенное) дополнение, т. е. «агенс» в форме: генитив + послелог *кедьстэ*; объект → (прямое) дополнение, напр. *Атысь мандявьсь цёранзо кедьстэ чирьке* 'Старик велел сыну согнуть дугу'. Понудительный залог. 2б) «Обратная» диатеза: семантический объект → подлежащее; субъект² → (косвенное) дополнение; т. е. «агенс» в форме датива *атянтень*; субъект¹ → (косвенное) дополнение, т. е. «агенс» в форме: датив + генитив + послелог *кедьстэ*, напр. *Чиркесь мандявтовсь атянтень цёранзо кедьстэ* 'Сын заставлен стариком согнуть дугу' (букв. 'Дуга согнута стариком через посредство сына'). «Понудительный залог + страдательный залог».

Отметим, что в предложениях типа 2а) субъект² может остаться невыраженным: *Атысь мандявьсь чирьке* 'Старик велел согнуть дугу' (автореф., с. 13; ср. также Смирникова, автореф. с. 10—13).

7. И. М. Ведяшкин неоднократно утверждает, что «залогимы имеют только переход-

ные глаголы» (с. 35; автореф. с. 10). Или несколько иначе: «... залог — это грамматически маркированная в наклонениях переходного или непереходного от переходного диатеза» (автореф., с. 11). Однако у него же: «Эрзянские понудительные глаголы образуются, как правило, от переходных, транзитивно-интранзитивных и непереходных глаголов» (автореф., с. 12). А А. Е. Смиренникова пишет, имея в виду свой *v*-овой возвратный залог: «Суффикс *-v* может сочетаться как с глаголами переходными, так и непереходными» (автореф., с. 15).

Но с другой стороны, может возникнуть вопрос: целесообразно ли вообще считать все вышеупомянутые глагольные формы залоговыми формами, т. е. формообразовательными, а не словообразовательными? Ответ зависит от «грамматикализованности» соответствующих суффиксов, т. е. от регулярной употребляемости их у всех глаголов (или у большой группы глаголов определенного типа) в одном и том же значении по сравнению с исходными формами без данного суффикса.

Если рассматриваемые в нашей рецензии формы были в достаточной мере «грамматикализованными», то в «Эрзянско-русском словаре» (Москва 1949) теоретически вообще не было бы надобности наряду со словарной статьей *тердемс* '1) звать, позвать; 2) отозвать, вызвать... 3) призвать; пригласить...' представлять отдельными заглавными словами на *тердеветемс* '1) заставить вызвать, созвать; 2) заставить отозвать;

3) заставить призвать, пригласить', ни *тердеветемс* '1) вызваться; 2) отозваться'.

Сомнение насчет достаточной «грамматикализованности» особенно вызывают *v*-овые глаголы, причем в первую очередь в предложениях без указания на «агенса» в дативе («возвратный залог»). И. М. Ведяшкин пишет: «Многие *v*-овые глаголы приобретают другие значения, отличные от глаголов без суффикса *-v*, например: *Аламонь-аламонь леднемась кадовсь удалу...* 'Понемногу стрельба отдалась позади'; *Авазо сеери мельганзо: «Васов иля тје, кадоват!»* ... 'Мать кричит ему вслед: «Далеко не уходи, заблудись!»...'; *Пельчас кадовсь* 'Полчаса осталось.' А. Е. Смиренникова также отмечает, что возвратные глаголы «в зависимости от лексического значения непроизводного глагола и от конструкции предложения могут иметь разнообразные оттенки значений» (автореф., с. 15—17). Ср. также: А. Е. Тургаева: Вопросы финно-угроведения, вып. VI, Саранск 1975, с. 214—220.

В самой же яркой форме скептицизм по отношению к залогам в мордовских языках выражен в упомянутой «Грамматике», напр., на с. 258: «В большинстве случаев различие страдательного и возвратного залогов отграничивается только в контексте... Следовательно, в мордовских языках можно говорить только лишь о залоговых оттенках (значениях), но не о залоге, как грамматической категории.» *Ubi veritas latet?*

ВАЛМЕН ХАЛЛАП (Таллин)